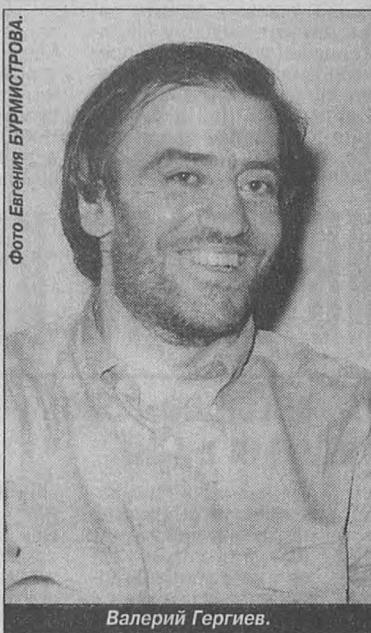

Валерий Гергиев... Еще недавно московская публика недостаточно хорошо знала этого дирижера, которого некоторые его поклонники называют просто и незатейливо: "Гений". Его известность, минуя столицу, распространилась напрямую из Санкт-Петербурга, где он вот уже почти десять лет руководит Мариинским театром, в Европу и дальше за океан — в Америку. Перечислять его международные награды и премии — места в газете не хватит. Разброс оценок его творчества — от полного отрицания до беспредельного возвеличивания. Противники нискриминируют ему "коммерческое" (это в смысле — хорошо продаваемое на Западе) тиражирование постановок русских и советских опер. Хотя что же плохого в том, что на Зальцбургском фестивале этого года maestro Гергиев будет дирижировать "Борисом Годуновым" Мусоргского? Фанаты стонут от его потрясающей постановки "Саломеи" Рихарда Штрауса. И, конечно, все с трепетом задавали себе вопрос: справится ли Гергиев и его группа с "Парсифалем" Вагнера?

Фото Евгения БУРИСТРОВА.

Валерий Гергиев.

Конечно, я еду в Санкт-Петербург. Срочно, даже не успею оформить командировку. Потому что там, в Питере (конечно, в Питере — не в Москве же!), в Мариинке (конечно, в Мариинке, не в Большом же!) Валерий Гергиев (конечно, Гергиев, кто же еще может быть таким безумцем?) поставил вагнеровского "Парсифаля". После столычких лет негласного вето в России — Вагнер. И не какой-нибудь ранний "Летучий голландец", а **пятичасовая** (!) торжественная сценическая мистерия "Парсифаль" — последнее произведение великого немца. Самое сложное и, возможно, самое гениальное.

— **Когда вы решились поставить "Парсифаль" на сцене Мариинки?**

— Года три я думал об этом. Это одна из лучших опер Вагнера, тем не менее она ни разу не шла на нашей сцене раньше.

Разговора не получается. Звонит третий звонок.

О месте, которое мне досталось, жно было только мечтать: в первом ряду директорской ложи. Передо мной, как на ладони, не только сцена, но и оркестровая яма, где находится "сердечно-сосудистая система" — maestro Гергиев и его

оркестр. В том, что оркестр будет звучать великолепно, я не сомневаюсь. Поэтому мой интерес сосредоточился на действии. Мистический дым заволоч сцену, и на ней появились фигуры, медленно, как бы в сомнамбулическом состоянии, блуждающие в пространстве. Декорации **Евгения Лысыка** сделаны лет пять назад совершенно для другого спектакля — отсюда их абстрактность и универсальность. Сюжет "Парсифаля" антисценичен, да это и не опера вовсе — мистическое действо, почти религиозный ритуал. Германская легенда о христианских святынях — чаше Грааля и копье, — хранимых благочестивыми рыцарями, относится к периоду раннего христианства. Религиозная атрибутика этого времени для нас, современных людей, почти лишена смысла.

Английский режиссер **Тони Палмер**, знаток Вагнера, должен был решить две задачи: концептуальную и чисто сценическую. С первой он справился оригинально и спорно: вся символика веры носит не просто византийский, но откровенно православный характер. Поначалу это шокирует. Потом почему-то убеждает. Сколько наивно выглядят сценические при-

реты: долгий рассказ старого Гурнеманца (эту сложную партию **Геннадий Беззубенков** исполнил просто героически, хотя временами несколько сбивался в сторону стилистики русской оперы) об истории Грааля обращен к рыцарям, которые обо всем об этом прекрасно осведомлены. Тем не менее они "живо" реагируют на рассказ, что не может не вызвать недоумения. Но и это отходит на задний план по мере погружения в музыку Вагнера — столь потрясающе красивую, что внимание мое постепенно переключается на оркестр. И я уже не могу оторвать глаз от рук и лица Гергиева, который творит с оркестром чудеса. Лейтмотивы связываются в непрерывную логическую цепь, пе-

сенная в христианство, нежелала **спела** свою партию. Несколько бледным по своим вокальным данным показался **Алексей Стеблянко** (Парсифаль), чего не скажешь о его внешнем облике: чистый, безгрешный юноша, называемый всеми "мальчик", предстал солидным, крупным мужчиной в светлом парике. А вот чрезмерная сказочность сценического облика **Николая Путилина** (злой Клингзор), с когтями Фредди Крюгера и белым пуком на голове, не затмила прекрасного исполнения певцом этой партии.

Промежуток между окончанием этого длинного спектакля и отходом "Стрелы" исчислялся минутами. И все-та-

рова. У нас задачи другие. Мы, исполнители, должны обращаться к великим произведениям и находить, в чем их сила, в чем их вечные качества, в чем творческая тайна — мы пытаемся разгадать ее. Иногда это удается, иногда — нет... В принципе важна даже сама попытка.

Гергиев не сделал ставки на приглашенных звезд не потому, что не мог, а потому, что не хотел. Может быть, и сила его в том, что при всей своей личной востребованности он не бросает свой театр, свою труппу. Впрочем, встреча со звездой состоится: в фильме "Парсифаль", который будет снимать Палмер на основе этого спектакля, в заглавной роли выступит

не **Киркоров**, правда, но все-таки — **Пласидо Доминго**.

— **Что вы чувствуете по окончании премьеры?**

— Мы все очень рады, что подобный спектакль состоялся. Этот спектакль — коллективный поступок нашего театра и, надеюсь, не последнее обращение к операм Вагнера.

По меньшей мере три поезда в эту ночь отправились с Московского вокзала, увозя людей, специально приехавших из Москвы в Питер на премьеру. В дорогой "Красной стреле" ехали командированные журналисты, продюсеры и настоятельные любители оперы. А в дешевом 13-м — просто москвичи-меломаны. Потому что сенсация не в наличии Доминго — мало ли Доминго поет! А вот "Парсифаль" в Мариинском театре — это действительно сенсационный шаг, ведущий к постижению нами мировой оперной культуры. И, может быть, не только оперной.

Екатерина КРЕТОВА.

Беседовал с maestro

Михаил МАЛЫХИН (InterMedia).

ПРИКОСЛУВШИСЬ К ЧАШЕ ГРААЛЯ...

КУЛЬТУРНЫЙ ПОДВИГ

ретекая от медных к струнным, от струнных к деревянным инструментам и образуя единую музыкальную ткань. Звук колоколов поначалу вызывает еще один шок: партия колоколов исполняется на синтезаторе "Roland". Потом Гергиев объяснит:

— Это цитата подлинных байройтских колоколов (**сэмплерное воспроизведение**. — Е. К.). Ну нет здесь таких инструментов, а русские колокола у Вагнера были бы неуместны!

Мариинка использует титры синхронного перевода — великолепное нововведение, позволяющее совместить безусловную необходимость исполнения оперы на языке оригинала с возможностью понимать каждое спетое слово.

Певцы справились со своей задачей — "попасть" в вагнеровскую стилистику — по разному. Пожалуй, точнее всего это сделал хор. Хорош был **Федор Можаяв** (Амфортас), наиболее твердо державшийся в рамках стиля, воплощая драматический образ рыцаря-грешника. **Валерия Стенькина** (Кундри) несколько злоупотребила характерностью, а потому скорее сыграла роль дикарки, обра-

жи желание задать пару вопросов maestro Гергиеву пересилило боязнь опоздать на поезд.

— **Что значат православные мотивы в сегодняшней постановке немецкой оперы?**

— Я думаю, что Бог един. И, наверное, вещи, понятные нам, могут вызывать подобные же ассоциации у людей другого вероисповедания. Есть католики, есть православные. Каждый видит по-своему, каждый чувствует по-своему и имеет свое отношение к религии, но в конце концов единый великий Бог дает нам силу и веру в то, что мы не случайно появились на этой Земле. Я думаю, что такие произведения, как "Парсифаль", особенно близко подходят к разгадкам тайн мироздания.

— **Большинство оперных театров мира делают ставки на звезд...**

— Я много работал со знаменитыми людьми, много. У меня самого нет комплекса, так сказать, "незнаменитости". Я не считаю, что публику можно привлечь только тем, что кто-то из знаменитостей поет, — иначе лучшим выходом было бы пригласить в наш театр Филиппа Кирко-

Фото Валентина БАРАНОВСКОГО.

Сцена из "Парсифаля".

Моск. комсомолец — 1997. — 5 июля. — с. 3.